



Ингрид Нолль

Головы моих возлюбленных

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=584365

Ингрид Нолль. Головы моих возлюбленных: АСТ, ЛЮКС; М; 2016

ISBN 978-5-699-77772-3

Аннотация

Обижать женщин – низко и подло. А таких решительных, как Майя и Кора, – еще и опасно. Эти милые девушки, «решительно избавляя себя и всех остальных от плохих парней», как остроумно было отмечено в рецензии Die Zeit.

Муки совести? Глупости! Подруги не знают, что это такое.

Но время идет, и с годами приходит мудрость, а с ней – прозрение: не бывает только плохих и только хороших людей, и кроме ненависти есть еще и любовь. И совсем не обязательно вершить расправу над подругой, которая переспала с твоим мужем.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ингрид Нолль

Головы моих возлюбленных

© Фридлянд С., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Серая как слон

В экскурсионном автобусе, когда я подношу к губам микрофон и начинаю рассказывать немецкоязычным туристам о Флоренции, публика принимает меня за студентку, которая изучает романистику и хочет подработать. Туристы находят меня очаровательной; как-то пожилые супруги заявили мне прямо в глаза, что хотели бы иметь такую дочь. Люди никак не усвоят, что внешний облик человека далеко не всегда совпадает с его сутью.

Именно отсюда мои туристы начинают свой маршрут по Тоскане и потому еще не умеют оперативно разбираться в нулях на итальянских банкнотах. Можно было бы подумать, что это обстоятельство сулит особенно высокие чаевые, но на деле все, увы, обстоит как раз наоборот. Чтобы хоть как-то возместить убытки, я ближе к концу экскурсии рассказываю своим овечкам о том, что здесь вполне могут обокрасть или просто вырвать из рук сумочку. Как ужасающий пример я рассказываю историю одной пенсионерки из Лейпцига, которой родственники, скинувшись, к семидесятилетию подарили поездку в Италию, осуществив ее давнюю заветную мечту. Всего несколько дней назад у нее украли все деньги. Далее я пускаю по рядам коробку из-под сигарет, чтобы провести сбор в пользу несчастной саксонской пенсионерки. Большинство не скупятся, ибо все это происходит на глазах у попутчиков.

Когда сбор завершен, я делюсь с Чезаре, нашим шофером: своего рода плата за молчание, чтобы тот не проболтался в турагентстве о незадачливой старушке из Саксонии.

Чезаре считает, что у меня нет ни стыда ни совести. Наверняка причины такого поведения в моем прошлом; глухая пора тоски и неприкаянности свинцовой глыбой придавила весь мой душевный мусор. Лишь когда я познакомилась с Корнелией, начался подъем.

В детстве я никогда не получала того, что хотела. К тому же я не знала толком, чего именно хочу, но сегодня понимаю, что мне не хватало тепла и радости. Как и каждый человек, я хотела, чтобы меня любили, хотела немножко веселья, немножко приключений, хотела иметь друзей, наделенных чувством юмора, из тех, которые не полезут за словом в карман. И чтоб ко всему этому была толика образованности и культуры. Ничего подобного дома не было. Царящую там атмосферу скорее можно назвать ожесточением. Позднее я просто начала самовольно брать себе все, чего мне не доставало, но при этом нередко хватала через край.

Моя мать была неразговорчивой особой, но то немногое, что она говорила, отличалось нацеленной, ядовитой злобой. Возможно, именно потому во мне накопился неисчерпаемый запас подавленной ярости, которая время от времени прорывалась.

Еще когда я была совсем маленькая и за едой позволяла себе высказать какую-нибудь неожиданную и наивную мысль, даже мне трудно было не заметить, как мой проклятый братец и мать обменивались молниеносными понимающими взглядами. Эти взгляды убеждали меня, что они уже многократно судачили обо мне и моем духовном убожестве. После таких сцен я, как правило, замолкала на долгие недели, а подавляемая ярость делала меня коварной.

Когда моему брату Карло было четырнадцать, а мне десять, я украла у него тайно купленные им сигареты и по дороге в школу побросала их в чужие контейнеры для мусора. А поскольку Карло считал меня трусливой и недалекой да к тому же прекрасно сознавал, что мне совершенно безразлично, курит он или нет, ему и в голову не пришло меня заподозрить. Он не сомневался, что обо всем проведала мать и таким деликатным образом позаботилась, чтобы он не губил курением свое здоровье.

А я стала воровкой. И никто никогда меня в этом не обвинил, поскольку тот, кого обокрали, исходит из предположения, что вор желает владеть своей добычей. Ну зачем маленькой девочке понадобились чужие сигареты? И к чему ей тетушкины духи, когда любой человек в два счета почувствует изысканный аромат? В ту пору я воровала паспорта, ключи от дома, учительские очки, – воровала только для того, чтобы сразу же выбросить. Так сказать, искусство для искусства. Лишь спустя несколько лет я начала оставлять у себя украденные предметы.

Возможно, мое развитие пошло бы другим путем, если бы отец не покинул меня так рано. Я сознательно говорю: покинул меня, а не всю нашу семью. Во всяком случае, я воспринимала его уход именно так. Когда это произошло, мне исполнилось семь, а до того он называл меня принцессой.

Как и в любой комедии эпохи Ренессанса, в нашей семье имелись две любовные пары: одна высокородная – король и его принцесса, а другая – челядь, моя мать и мой брат. Король называл меня «принцесса Майя», позднее – «инфанта Майя». У отца хранился лист календаря с изображением испанских придворных дам, которые прислуживали одной девочке. И хотя мои редкие светло-каштановые волосы никак не походили на белокурые локоны нашей принцессы, отец утверждал, будто я очень напоминаю ее. Я всей душой любила эту картинку из календаря.

Совсем недавно я купила репродукцию и повесила ее рядом со своим зеркалом. В самом центре картины стоит прелестная инфанта Маргарита; серьезное детское личико обрамляют шелковистые волосы. Подобно взрослым женщинам, она тоже носит жесткий кринолин, который, вероятно, не дает ей сутулиться. Судя по всему, Маргарита прекрасно сознает, что она средоточие всего. В левом углу картины художник изобразил себя во время работы – красивый, самоуверенный мужчина. И контрастом в правой части картины стоит карлица с обвислым, как у мопса, лицом. Рядом с карлицей – ребенок, то ли карлик, то ли обычный, пытается изящной ножкой толкнуть дремлющую собаку, но безуспешно. На этой красивой картине собака воплощает покой и достоинство. Есть на ней и другие фигуры исторического значения, но меня они не интересуют. Фон буро-зеленоватый или цвета умбры, на переднем плане господствует цвет слоновой кости с изысканной примесью гвоздично-красного. Весь свет этой картины сосредоточен на фигурке инфанты.

Отец у меня тоже был художник, как и тот, что на заднем плане картины, который много лет назад написал Маргариту; когда отец меня бросил, вместе с ним исчезли и все его картины. А календарный листок с испанской принцессой я нашла потом у нас под комодом, нашла, смяла, надорвала и спрятала между страницами атласа Дирке, где картинку обнаружил мой брат; а обнаружив, разорвал на кусочки.

Возможно, брат страдал от того, что никогда в жизни не был принцем, а сестра его возвысилась над ним. И он мстил за это при каждом удобном случае.

Накрывать на стол чаще всего приходилось мне. Как-то я споткнулась о загнутый край ковра, при этом разбились три чашки, три блюда и три тарелки.

– Ну прямо слон в посудной лавке, – заметила мать.

– Был ребенок, стал слоненок, – подхватил брат.

Мать одобрительно засмеялась.

– Здорово сказано, хоть и ехидно, – заметила она.

Так я заделалась слонихой, потому что много лет подряд мой брат называл меня именно так. Правда, мать в случае необходимости могла назвать меня и по имени, но однажды, входя в комнату, я случайно услышала, как она говорит Карло: «Слониха на подходе».

Золушка становится королевой, гадкий утенок – лебедем. Я мечтала прославиться, чтобы повергнуть весь мир к своим слоновьим ногам. В пятнадцать лет я надумала стать певицей, второй Марией Каллас. С этих пор матери и Карло приходилось терпеть одну и

ту же арию Кармен. Голос мой звучал громко, пение было страстным. Вообще-то и голос был не ахти, и сама я не слишком музыкальна, но во время пения я могла дать волю своему темпераменту.

– Опять завела свое рондо слониозо, – обычно говорила мать.

Одна из моих соучениц тоже прослышала, как меня называет мой брат.

На следующий день класс встретил меня оглушительным кличем Тарзана. Короче, и для них я перешла в разряд толстокожих.

Интересно, а в самом деле я походила на слона или нет? И рост, и вес у меня соответствовали человеческому стандарту, ноги были вполне изящные, и нос отнюдь не походил на хобот, и двигалась я если не грациозно, то и не сказать, чтоб неуклюже. Разве что уши не соответствовали общепринятым стандартам, то есть размера они были вполне обычного, но уж очень оттопыренные и торчали наружу сквозь жидкие пряди моих волос. Когда я была маленькой, мать имела обыкновение самым немилосердным образом расчесывать мне волосы после мытья головы: зубцы гребня цеплялись за мои уши и отжимали их книзу. Когда я уже стала вполне взрослой, подобное случалось порой и у моей парикмахерши. В такие минуты я, вся покрывшись гусиной кожей, вспоминала мать, которая и при других касаниях тоже внушала мне физическое неприятие: ее острый палец у меня между лопаток, громкий хруст скрещенных рук и ужасающий скрип – когда она протирала окна.

Мать прилагала всевозможные усилия, чтобы и в одежде подчеркнуть мое «слоновство». Ну, например, мне понадобилось зимнее пальто, и я очень хотела пальто алого цвета. На новую одежду в доме вроде бы не было денег. И тогда мать отдала полученное ею в наследство серое покрывало альпака, чтоб мне из него сшили накидку с капюшоном, которая и в самом деле делала меня довольно бесформенной. И туфли мне всегда покупали серого цвета и на один размер больше, чем надо, чтобы их можно было носить и на следующий год.

Одна из учительниц, услышав как-то трубный слоновий клич моих одноклассниц и увидев, как я уныло топаю через ноябрьский туман, сказала:

– Майя Вестерман, дразнилки со временем прекратятся, а вообще-то говоря, не следует недооценивать мощь слона. Сильная женщина дорогого стоит.

Но я вовсе не хотела становиться сильной. В ту пору я как раз влюбилась, и в голове у меня было место лишь для любви. И это случилось не в первый раз. Это началось так рано, как я себя помню, и первым объектом любви стал для меня собственный отец. Когда он меня покинул, я на целый год объявила траур.

Совсем недавно наш бывший учитель географии вошел вместе с женой ко мне в автобус. Дело было на пасхальные каникулы, которые он и надумал использовать для небольшой образовательной поездки по Италии. С тех пор как я три года назад окончила школу, мы с ним ни разу не виделись, но тем не менее сразу друг друга узнали, приветливо поздоровались и расстались с самыми искренними заверениями дружелюбия. Он и не подозревал, что много месяцев подряд был средоточием моих грез. Только господин Беккер да еще мечта о карьере оперной дивы помогли мне тогда не впасть в депрессию, до того серой и беспросветной была для меня жизнь в семье и школе. Из этих двух надежд одна была еще менее реалистичной, чем другая. К слову сказать, я до сих пор храню расческу моего учителя, которую во время единственного посещения его квартиры прихватила с собой на память.

Было ему в ту пору почти тридцать лет, и я уже побаивалась, как бы у меня не развился эдипов комплекс. Я молниеносно стала звездой, отличницей по географии.

На занятиях мы рассматривали исторические, хозяйственные и политические взаимосвязи. Господина Беккера чрезвычайно сердило то обстоятельство, что большинство школьников читают в газетах только спортивную часть и киноанонсы, оставляя без внимания политику и экономику. Каждое утро у меня возникали стычки с Карло: тот просто вырывал газету у меня из рук. Когда на уроке обсуждали экономические результаты засухи в Чаде,

Нигере и Судане, я единственная из всего класса подняла руку. Еще прежде, чем господин Беккер начал меня спрашивать, кто-то заревел с места: «Немудрено, что она все знает про Африку, ведь она там родилась!»

– Ты разве родилась в Африке? – с любопытством спросил ничего не подозревающий господин Беккер.

Как настоящая слониха, я под трубный клич одноклассников ринулась прочь, опрокинув на ходу два стула.

Перед спортзалом села на приступок, где извела весь запас бумажных носовых платков. При этом в глубине души я надеялась, что учитель примется меня искать и найдет. Может, я хотела подать ему сигнал, что я – женщина без предрассудков. Но никто не стал меня искать, и только одна соученица сказала мне позже:

– Sorry-sorry насчет Африки. Кто же знал, что ты не африканский слон, а индийская корова.

Вот у матери я никогда ничего не воровала, хотя мне столько раз хотелось, чтобы ее черти забрали. Денег у нас было очень мало. От брата я знала – сама мать об этом никогда не говорила, – что хотя отец и переводит нам время от времени какие-то суммы, но делает это крайне нерегулярно.

Мать работала сиделкой у разных стариков, и можно с уверенностью сказать, что более неподходящее для нее занятие даже вообразить было трудно. Правда, она окончила курсы по уходу за стариками, но окончила просто потому, что из всех курсов это были самые краткосрочные. При ее уме и быстрой реакции она могла бы без труда изучить все виды конторской деятельности, но вместо того, наглухо закрыв свое сердце, она грубыми руками обслуживала пожилых людей так, словно это не люди, а куски дерева.

Но не только из-за нашей бедности я ничего не воровала у матери. Причина состояла и в том, что я ее любила, любила с мучительной, горькой страстью. И чем старше я становилась, тем больше осознавала, что она просто ранена и что раны ее никогда не заживут. Мы обе, каждая на свой лад, горевали, оставшись без короля, тосковали, но помочь друг другу не могли. В ту пору я, разумеется, еще не сознана, какую жестокую рану нанес и мне отец. С другой стороны, казалось, что и мать, искавшая в моем брате замену любви к мужу, тоже по-своему привязана ко мне. Несмотря на ее язвительность, отказ хоть сколько-нибудь считаться с моими пожеланиями и потребностями, она категорически воспротивилась моему намерению бросить школу.

«Когда-нибудь ты и сама об этом пожалеешь» – так звучал ее основной довод в ответ на мое нежелание учиться. Самая красивая девочка из нашего класса тоже хотела бросить школу и поступить ученицей в аптечный магазин. Это навело меня на мысль, что неплохо бы самой зарабатывать деньги, а не убивать день за днем в опостылевшем классе. Но я не была уверена, что поступить куда-нибудь ученицей такое уж для меня благо. Школа была надежным местом, так что я без особого сопротивления позволила матери уговорить меня учиться дальше. Сегодня я думаю, что не просто тщеславие, но и любовь заставила ее встать на эту точку зрения, ведь для нее было бы гораздо проще, начни я зарабатывать. И это, пожалуй, единственное в ее поведении, что я могу оценить положительно.

А за «слоновые» наряды я в конце концов даже начала испытывать к ней признательность. И хотя до сих пор я по мере сил уклонялась от ношения серой, как слон, накидки из альпака (лишь очень морозная зима заставляла меня укрываться под теплой шерстью), настали времена, когда прохладными весенними вечерами я вообще не хотела ее снимать. А господин Беккер сказал, что на модном показе элегантных жакетов и пальто, которые можно было наблюдать по переменам на школьном дворе, ему больше всех нравится моя серая «баба на чайник».

«Ты индивидуалистка. В твои годы я и сам был таков, не желал сливаться с массой».

Хотя он явно предполагал, что свой «слоновый» прикид я выбрала по доброй воле, но его слова возвели мой наряд в благородный чин. Я почувствовала себя счастливой потому, что он решил, будто у нас с ним есть внутреннее сходство. Я даже улыбнулась ему.

Мои познания в сфере любви носили чисто теоретический характер. «Анна Каренина», «Мадам Бовари» – я вычитала из них, что женщины отдаются либо бросаются в любовь очертя голову. В мечтах я видела себя мировой знаменитостью, так что господину Беккеру следовало испытать благодарность за право отдаться мне.

Когда совсем недавно я увидела у себя в автобусе этого хоть и старательного, но какого-то мешанистого учителя в сопровождении законной супруги, то смогла лишь покачать головой, вспоминая собственное простодушие. Вдобавок я вполне могла бы безо всякого риска изучить содержимое сумочки фрау Беккер, которую после моего призыва к добродетельным деяниям она не закрыла. Но, взглянув в зеркало заднего вида, Чезаре догадался о моих намерениях и неодобрительно покачал головой.

Шестнадцати лет от роду я познакомилась с Корнелией. Вышел в отставку господин Беккер – он, но отнюдь не моя серая накидка с капюшоном. За это время я успела полюбить свой наряд. На Рождество мать подарила мне то самое красное пальто, о котором я мечтала год назад и которое она смогла теперь приобрести по сниженной цене. Видимо, осознала, что уже второй год я разгуливаю одетая под слониху, а потому могу теперь претендовать хотя бы на малую толику элегантности. Увы: подарок опоздал. К глубокому сожалению матери, я так никогда и не надела это красное пальто, я хотела оставаться серой.

Но у себя в автобусе я уже не выгляжу серой мышкой, здесь я одета как стюардесса: темно-зеленый костюм, белая блузка, красная косынка, короче, цвета Италии. Туфли тоже красные, причем мне то и дело приходится объяснять своим туристам, где находится обувной магазин, в котором я приобрела столь изысканную модель. Помимо того я неизменно вожу в сумочке адреса немецкоязычного врача и священника, хотя второй потребовался всего лишь один раз.

Отдыхающие усердно записывают телефонный код Германии, праздничные дни, время работы магазинов, почтовые тарифы и принятый здесь размер чаевых.

Но после трех часов поездки, осмотров и остановок для фотосъемки они начисто забывают о моих рекомендациях и снова робко пересчитывают множество нулей на своих банкнотах. Попадают, конечно, и педанты, которые прибегают к помощи калькуляторов. Не сказать, чтобы эти люди вызвали у меня симпатию, ибо при непременном сборе пожертвований им чужды какие бы то ни было порывы, у них не заметишь ни злорадства, ни увлажнившихся глаз.

Когда Чезаре пребывает в хорошем расположении духа, он на своем неуклюжем автобусе подвозит меня до дома, что, разумеется, строжайшим образом запрещено. Поначалу он на такие эскапады не решался, но с ходом времени я сумела его переубедить. Чезаре никогда не покидает свою кабину, чтобы выпить чашечку эспresso в Розовой вилле, ибо, судя по всему, опасается обнаружить за дверьми Содом и Гоморру.

Ни разу я не просвещала Чезаре относительно того, живу ли я одна или с кем-то, есть ли у меня родные и знакомые. Мое бурное прошлое не должно его касаться, но при этом я убеждена, что действительность выходит далеко за рамки его фантазий и подозрений.

Глава 2

Селадоновая зелень китайского фарфора

Когда Чезаре удастся обнаружить парочку в нашем автобусе, он приходит в полный восторг и пытается подмигиванием либо улыбкой привлечь мое внимание к этой достопримечательности. Он человек сентиментальный, а потому многодетные семейства, седовласые бабульки и сморщенные младенцы вполне способны отвлечь его внимание от дороги и побудить к спонтанным изъяснениям симпатии.

Я устроена по-другому, и с парочками у меня затруднения. Не вижу ничего хорошего в дурацких знаках обожания, проявлениях безоговорочного единения и безвкусного тисканья. С другой стороны, всем хорошо известно: этот период никогда не затягивается, что меня утешает. Возможно, моя раздражительность объясняется завистью: причин гордиться своими любовными похождениями у меня нет никаких (ни одно из них нельзя назвать романом).

Недавно я видела одну шестнадцатилетку: со своим дружкой того же возраста они, словно пожилая супружеская чета, предавались туризму с образовательными целями. Кошмар! Кошмар! Такой я, слава богу, никогда не была.

Когда мне минуло шестнадцать, у меня все еще не было любовника, зато я – наконец-то! – обзавелась подругой. И она стала главным человеком в моей жизни.

Корнелия пришла к нам в класс на правах новенькой. Она принадлежала к числу тех, на кого пялятся все подряд. И вовсе не потому, что отличалась безупречной красотой (хотя в ее внешности действительно не было ни малейшего изъяна), а потому, что она казалась олицетворением редкостной сосредоточенности и аутентичности. Целую неделю Корнелия приглядывалась к нашему классу, а класс, в свою очередь, приглядывался к ней. Она легко приступила к занятиям, часто городила всякую ерунду, но не менее часто высказывала гениальные идеи и никогда не стеснялась признать, что не имеет об этом вопросе ни малейшего представления. Она сумела очаровать всех, и одноклассники начали добиваться ее благосклонности.

Но Корнелия отвергла все предложения, решительно и однозначно обратив свой взор на меня. Я просто поверить не могла своему счастью. Небо ниспослало мне подружку, да не простую, а с перчиком, остроумием, фантазией, с рыжими волосами и манерой нагло себя держать. Отец у нее был профессор синологии и, как мне довелось убедиться позднее, служил олицетворением культуры. Чуть ли не после каждой фразы он с нажимом задавал вопрос: «Не так ли?» – а сам говорил как по учебнику. Дома Корнелию называли «Кора», а один китайский студент, обратясь к ней, даже назвал ее однажды «мисс Кола». Кора рассказала мне, что, по сути, ее просто выперли из предыдущей школы – она целовалась за кулисами с их учителем по искусству (причем кулисы она сама же и оформляла для какой-то школьной постановки). И целовалась не впервые. Но свидетелями того рокового поцелуя случайно оказались директор, секретарша и реферндарий. Корнелия только расхохоталась, обнаружив их. Впрочем, учителю тоже пришлось подыскивать другое место работы.

Кора хотела стать художницей. Она показала мне гигантские картины на оберточной бумаге. Они были вполне оригинальные и написаны умелой рукой, однако мне понравилось далеко не все, потому что Кора питала откровенную слабость к объектам, вызывающим омерзение. Чтобы произвести на нее впечатление, я призналась в своей клептомании. Она пришла в восторг, но сказала, что очень нерентабельно после всех трудов выбрасывать свою добычу. Не мешкая подруга дала мне возможность посвятить ее в искусство воровства. Первый раз в одном торговом доме прямо у нее на глазах я присвоила тюбик ярко-красной

губной помады. Но ей понадобился мужской галстук. И я прихватила из вертушки с образцами целых два галстука в изысканную полоску, после чего мы начали носить свою добычу прямо в школе. Матери я что-то там наплела про «брата Кору», а Кора сделала то же самое у себя дома. Таким манером мы начали мало-помалу одеваться более индивидуально. Прикиды для тинейджеров нас никак не привлекали, наша одежда должна была носить отпечаток чего-то необычного. Мы обзавелись подтяжками и длинными кальсонами, профессиональной одеждой мясника и траурными нарядами.

Как-то раз в музее открылась выставка китайского фарфора. По этому поводу отец Кору произнес речь перед приглашенными, нам же предстояло изображать благовоспитанных девочек, разливать шампанское, обносить гостей рогаликами из слоеного теста, а также бутербродами с лососем.

Я вполуха внимала речам наполненного культурой и шерри отца Кору.

«Селадоновая зелень китайского фарфора» – вот те единственные слова, которые гудели у меня в голове. Что это за зелень такая? Кора продемонстрировала мне несколько квадратных и круглых блюд, покрытых молочно-белой и непривычной серо-зеленой глазурью с орнаментом, в эту глазурь я тотчас влюбилась очертя голову.

– Кора! Я ужасно хочу это блюдо.

Подружка кивнула в ответ. Без промедления, без колебаний:

– Подожди, пока народ разоидется. А мы поможем убрать со стола.

Вот каким путем в моей убогой комнатенке оказался предмет старинного фарфора с врезанным под глазурью изображением дракона (периода династии Сун). Мать не обратила на этот бесценный раритет никакого внимания, ибо он был столь благородным, таким изысканным, что непривычный глаз его просто не замечал.

Украсть блюдо оказалось нетрудно. Директор музея был другом отца Кору. К концу осмотра, когда в музее остались лишь сливки избранного общества, он отпер дверцы витрин и собственноручно извлек оттуда несколько прелестных вещей, с тем чтобы обратить внимание заинтересованной публики на ряд экспонатов.

К тому времени, когда мы начали собирать пустые бокалы из-под шампанского, народ столпился вокруг профессора и директора.

Когда я вынимала блюдо из витрины, Кора заслонила меня. Мы поставили на блюдо четыре бокала из-под шампанского, и Кора, не таясь, мимо всех гостей вынесла этот миниатюрный поднос в подсобное помещение, где была раковина и хранились бутылки. Я заблаговременно подшила к изнанке своей «слоновой» накидки отстегивающийся карман, который легко принимал трофеи моих разбойных походов. Потом мы собрали оставшиеся бокалы, ополоснули их в соседней комнате и откланялись. Отец Кору с отсутствующим видом помахал нам. «*Jeunesse dorée*»¹, – промолвил директор музея. Сам же профессор щедро наградил нас за обслуживание, ибо предполагал, что сама по себе выставка нас ни капельки не интересует.

Кора рассказала мне, что отсутствие блюда было обнаружено ассистентом два дня спустя. Поднялся ужасный шум. Полиция и представители страховой компании принялись за неофициальное расследование, ибо, учитывая высокий статус гостей, никакие подробности не должны были просочиться в печать. Розыски велись на основе списка приглашенных, а про меня и Кору даже и не вспомнили. В конце концов подозрение пало на китайского атташе по вопросам культуры, в неподвижных чертах которого якобы можно было углядеть некое содрогание, когда он слышал, что все китайские сокровища были заимствованы из лондонских и берлинских музеев. Причем дело явно провернул профессионал, ибо речь шла

¹ Золотая молодежь (фр.).

о блюде под селадоновой глазурью, особенно изысканном и древнем экспонате, который не произвел бы на профана никакого впечатления.

– Ну и вкус у тебя, – заметила моя подружка, – я бы скорее взяла блюдо цвета бычьей крови. Впрочем, все это чисто теоретический разговор, ведь не могу же я водрузить подобное блюдо на подоконник, как ты!

Дело кончилось тем, что страховая компания отвалила изрядную сумму музею Виктории и Альберта, а жена китайского дипломата спустя два дня после моего проступка вылетела в Пекин, что и сочли подтверждением их вины.

Впрочем, это блюдо принесло мне беду.

Началось все к двадцатилетию Карло. День рождения пришелся на субботу, а матери как раз на выходные выпало дежурить в доме для престарелых. Она хотела было поменяться дежурством с одной сослуживицей, чтобы не работать в день рождения своего любимца, но этому воспротивился сам Карло. Он, мол, больше не ребенок, для которого мамочка печет пирожные, с него будет вполне довольно, если вечером они вместе выпьют по рюмочке вина.

Короче, мать ушла на работу, а Карло решил воспользоваться ее отсутствием, чтобы устроить небольшой праздник. Это и вынудило его – как я тогда полагала – посвятить меня в свой замысел. Он, Карло, хотел устроить ужин для нескольких друзей, а я чтобы пригласила Корнелию. Лишь много позже я сообразила, что всю эту петрушку он и затеял ради Кору.

Утром Карло послал меня за покупками, дал список и деньги. Новые правила игры – Карло обращался со мной так приветливо – на первых порах мне понравились, хотя и ненадолго, и я послушно отправилась за покупками. Купила на его деньги испанское красное, белый хлеб, сыр, виноград, рыбу, потом по собственной инициативе украла паштет из гусиной печени, икру и шампанское. Совершить эту грубую ошибку меня побудили энтузиазм и уже укоренившаяся привычка. Подходя к дверям нашей квартиры, я сообразила, что разбирать покупки при Карло никак не следует. Потом можно будет сказать, что Корнелия позаимствовала кое-что из родительских припасов.

Но едва я открыла дверь, Карло с таинственным видом поманил меня на кухню, не обращая внимания на мои покупки. Он указал мне на стул. Я села, исполненная ожиданий. Карло достал из кармана конверт и с важным видом протянул письмо мне. «Кривляка», – подумала я, хотя меня и разоблало любопытство, от кого бы оно могло быть.

– От отца, – сказал Карло.

Тут уж я занервничала, выдернула бумагу из конверта и начала читать.

Дорогой мой сынок, если память мне не изменяет, у тебя сегодня день рождения.

Интересно, а почему он не вспомнил про мой день рождения?

Не думай, пожалуйста, что я вас забыл. Но, к стыду своему, должен признаться, что из моего замысла выстроить собственную судьбу так ничего и не вышло. Годами надеялся я, что рано или поздно мои картины найдут покупателей. Возможно, так и будет, но только после моей смерти, и тогда вы станете счастливыми наследниками. Карин меня покинула.

Черт подери, кто она такая, эта Карин?

Теперь я живу одиноко, с каждым годом число моих недугов множится, к тому же я страдаю от убогих обстоятельств своей жизни. Из нужды я был вынужден принять унижительную должность развозчика донорской крови. Ах, как бы я был рад сделать тебе

достойный подарок, но поверь слову, выпадают такие вечера, когда я ложусь в постель без ужина. А пишу я тебе в твердом убеждении, что впереди у меня осталось очень немного лет. Желаю, чтобы вы с Майей сумели меня простить и могли вспоминать обо мне с любовью.

– Ну, что скажешь? – спросил Карло.

– А что такое «развозчик крови»?

Брат пожал плечами, и мы растерянно переглянулись.

– А где он живет? – спросила я, хотя и сама видела, что на конверте нет адреса отправителя.

Мы принялись разглядывать почтовый штемпель и расшифровали его так: Бремен.

– Бедный папа, – тихо сказала я.

Карло сморщил нос.

– Сказала бы лучше: бедная мама. Сперва он сматывается с какой-то девкой, денег на нас почти не высылает, а теперь извольте радоваться: присылает нам эдакую слезницу.

– Так ведь он и не говорит, что ему чего-то от нас надо. Мы даже не знаем, где он...

Карло подошел к письменному столу матери и достал оттуда банковские квитанции.

– Я случайно узнал, что в прошлом году он прислал ей небольшую сумму, – сказал он, – если найти квитанцию, там может оказаться его адрес.

Бумаги у матери были в полном порядке, а Карло, как банковский ученик, наловчился сортировать документы и потому нашел то, что искал. Адрес и впрямь был на бланке. Жил отец в Любеке, а не в Бремене. Мы вторично обменялись нерешительными взглядами. Говорить о сбежавшем отце с матерью было невозможно, она категорически отвергала все наши попытки хоть что-нибудь о нем разузнать.

– Мы должны побывать у него, – сказала я.

– А он нас искал? – спросил в ответ Карло. – А он нам раньше писал? Когда я окончил школу или на Рождество? А он вообще-то когда-нибудь интересовался, живы мы еще или нет?

Я промолчала. Карло ненавидел отца, но он получал какое-никакое жалованье и мог помочь скорее, чем я. Денег я до сих пор не воровала, но, может быть, сейчас настало время этим заняться? Или посылать папе благотворительные пакеты с краденой провизией? Я задумалась.

Карло вырвал меня из задумчивости:

– Для начала: матери ничего рассказывать не станем. А через час придут гости. Пора готовить.

Я молча припрятала краденые деликатесы у себя под одеялом, нарезала сыр, вынула косточки из виноградин и вообще с отсутствующим видом делала все, чего он ни потребует.

Когда начали собираться друзья Карло, я все еще витала мыслями далеко. Вообще-то я была бы рада познакомиться с новым другом Карло, тоже из банка, умом которого Карло не уставал восторгаться. Но сейчас я глядела на этого Детлефа вполглаза. Я думала только об отце. Собственно, я уже давно опасалась, что он беден, не то он, возможно, посылал бы мне какие-нибудь подарки. Художник часто становится известным лишь после смерти, тут отец был прав. И если он до сих пор не давал о себе знать, причиной тому был стыд. Но почему он адресовал свое письмо именно Карло? Ведь это я была его принцессой!

Он больше не художник, он развозчик крови. Ужасное слово, сразу вспоминается Дракула. Ну что мне делать с этим словом?

Потом пришли два друга Карло со своими девушками, и мы наконец сели за стол: Карло возле Коре, я рядом с Детлефом. Я с удовольствием рассказала бы Коре про письмо отца, но в этой развеселой компании просто не могла говорить об этом. Мы пили красное вино, ели,

много рассказывали и смеялись. Наконец мне удалось затолкать Кору в свою комнату. Я подняла одеяло, Кора увидела шампанское и в своем неизменно практичном стиле приказала:

– Немедленно на холод.

Когда я пришла в кухню, она уже успела выложить икру на мое селаденово-зеленое блюдо.

– Да что это с тобой? – спросила она, увидев мою растерянность. – Ты, видно, решила, что полиция напала на след?

Я коротенько передала ей содержимое отцовского письма.

– Давай съездим к нему, – сказала она, – завтра разработаем план.

Корнелии явно пришлось по душе мой заносчивый брат, она весело смеялась, слушая его остроты второй свежести, которые сама знала наизусть. У меня даже возникли сомнения: а не больше ли за всем этим скрывается, чем ее испробованный метод влюбить в себя мужчину, чтобы потом его заполучить? А вдруг он и в самом деле ей нравится?

Все, решительно все ополчилось сегодня против меня. Когда я внесла красную икру, которая очень благородно, будто золотая рыбка, возлежала на зеленоватом фарфоре, Детлеф спросил у меня, не китайское ли это блюдо.

– Может, и китайское, – ответила я.

Все как по команде стихли и уставились на блюдо.

– А откуда оно у нас? – спросил Карло.

– С блошиного рынка, – с полным присутствием духа сказала Кора, и снова возобновился общий разговор.

Детлеф самым бессовестным образом глядел на меня в упор.

– Мой дядя – охранник в музее, – многозначительно сказал он.

К сожалению, я не такая закаленная, как Кора. Я покраснела и спросила робким голосом:

– А в чем дело?

– Ты знаешь, в чем дело, я знаю, в чем дело, а про династию Сун поговорим в другой раз.

После этих слов он умял почти всю икру. Кора вынесла блюдо на кухню, ополоснула и поставила в мой платяной шкаф. Со своим безошибочным инстинктом она услышала самое важное, не переставая при этом умело кокетничать с Карло. Я просто восхищалась ею. Не будь здесь Кору, я, наверное, убежала бы к себе в комнату.

Наконец Кора внесла охлажденное шампанское, заставила моего брата открыть бутылку и протянула мне первый бокал. Я выпила, рыгнула, все засмеялись, и в полном отчаянии я тотчас выпила второй бокал.

Минут через десять на меня нашел разговорный стих, я даже собиралась запеть, но Карло меня притормозил. Когда гости начали собираться домой, потому что с минуты на минуту должна была прийти моя мать, Карло тоже встал, чтобы проводить Кору. Я почувствовала себя уязвленной, я твердо рассчитывала, что Кора останется у нас, и мы вдвоем убрали бы со стола. А теперь вся уборка досталась мне...

У дверей Детлеф сказал:

– До скорого.

Это прозвучало угрожающе.

А потом я осталась одна-одинешенька со своими страхами и грязной посудой.

Вернувшись домой, мать настезь распахнула окна, заподозрив меня в том, что это я так накурила. При этом она даже не заметила, что на ковре валяются икринки, а вся комната пропитана запахами воды для бритья и вина. Я сослалась на головную боль, уползла к себе. И хотя я ловила каждый звук, мне так и не удалось услышать, когда вернулся домой Карло.

В воскресенье, даже не позавтракав, я отправилась к Коре. Мать уже покатила на велосипеде в свою богадельню. Брат еще спал. В ярости я засыпала в его пакетик с какао две столовые ложки соли, потому что, едва проснувшись, он доставал из шкафа именно какао.

Кора была еще в ночной сорочке (бабушкино наследство, из тонкого полотна и старинных кружев) и пила крепкий кофе прямо в постели. Она приняла меня, как княгиня, за утренним туалетом. Родители ее собирались погулять и на выходе буквально вручили мне дверную ручку.

– Наша дочь еще в постели, – сказал господин профессор, – сурок, да и только.

Кора знала, что я непременно заведу речь о своем отце.

– Нам нужны деньги, – сказала она, – тогда сразу поедem к нему и разберemся во всем на месте.

Мне это показалось совершенно невероятным.

– Во-первых, я никуда не могу уехать, не сказав матери, а во-вторых, я не могу ограбить банк.

Кора хмыкнула:

– Ах, Майя, все это можно уладить. Вы куда собирались в этом году на каникулы?

На глаза мои навернулись слезы.

Вот уже много лет мы никуда не ездили, потому что не было денег. Когда мы с Карло еще были маленькими, нас порой возили в Бонн к брату матери. От нашего дедушки дядя Пауль унаследовал лавку писчебумажных товаров и превратил ее в процветающий магазин компьютеров. Без его регулярных переводов на одно жалованье матери мы вообще не могли бы прожить. Но туда я больше не хотела, все это выливалось в сплошное унижение. Кузина навевала на меня смертную скуку. Тетка пыталась всякий раз купить для меня что-нибудь практичное, такое, чего я совсем не желала носить.

Кора внимательно все выслушала.

– Ну и роскошно, – заключила она, – я, правда, должна на две недели уехать с родителями в Тоскану, но это перед самым началом занятий. А до того у нас еще куча времени. К счастью, у меня есть родня в Гамбурге. Думаю, мать не станет возражать, чтобы я пригласила тебя. А вообще-то оба они работают, и дядя, и тетя, так что им совершенно наплевать, где мы будем проводить свои дни, в музее или в постели.

– Любек оттуда недалеко. Можно будет сразу же поехать дальше.

– Ну нет, – возразила Корнелия, – это было бы очень неосторожно. Поживешь со мной в Гамбурге, а потом мы вместе отправимся к твоему царственному папá.

Кору весьма интересовал мой таинственный отец, я же предпочла бы для начала встретиться с ним один на один. Вот почему я промолчала.

– Проблема вторая – капуста. И тут у меня есть план, – продолжала Кора. – Поездку оплатят мои родители, за тебя, разумеется, тоже. Но нам требуется сверх того какая-то сумма для голодающего живописца.

Ирония Кору мне не понравилась, но я промолчала, дожидаясь дальнейших предложений с ее стороны.

– Недавно я читала в газете, что один обманщик ежедневно искал объявления о смерти, – пояснила Кора. – Спустя недели две после смерти какого-нибудь дедушки он звонил в двери вдовы и сообщал, что покойный не оплатил изрядный счетец. А когда после этого бабуля интересовалась, что же это за счет такой, доставал из кармана квитанцию заказа и вполголоса сообщал, что покойник заказывал порнографические издания. Все бабушки бледнели при этом сообщении и немедленно платили наличными, чтобы ничто и никогда не напоминало больше о скандале.

– Какая подлость, – рассмеялась я, – но ведь не думаешь же ты всерьез добывать деньги таким манером? Вдобавок мы хоть и могли бы накраситься, чтобы выглядеть постарше, но за распространительниц порножурналов нас все равно никто не примет.

Кора просто зашлась от смеха.

– Да об этом я даже и не думала, слоненочек мой. Просто эта история навела меня на отличную мысль. Ты только послушай: отец у меня неслыханно образованный, но в такой же мере рассеянный, как и положено человеку его уровня. Само собой, он как-то забыл прийти на похороны одного коллеги или на худой конец послать соболезнования. Мать напомнила ему о похоронах, когда было слишком поздно, а его черный костюм и вообще находился в чистке. Ну, короче говоря, всех просили не присылать венки, а присылать небольшие пожертвования. Представляешь себе – для Объединения любителей верховой езды и транспорта, как будто у них и без того денег не хватает! Отец запустил руку в бумажник, набросал несколько неискренних слов и отправил меня в дом усопшего. Поскольку в конверте были деньги, я должна была вручить его лично.

– А ты не вручила?

– Да ты что! Мне открыла какая-то старушка и даже предложила чаю. Все остальные были уже на кладбище, а я осталась наедине с письменным столом, а на столе – конверты с пожертвованиями, но как девочка из хорошей семьи я не стала их открывать.

Я пришла в восторг.

– А разве можно красть деньги у покойника?

– Это деньги не покойника, и толку ему от них никакого. Мы можем участвовать в похоронах, когда хоронят совершенно незнакомых людей, ну конечно, богатых. Когда в газетах пишут, что собирают деньги на Amnesty International² или SOS-деревню для детей, этих мы не тронем. Но на гольф или яхт-клуб – тут бы я и раздумывать не стала. Неужели ты не понимаешь, что твоему отцу эти деньги нужнее?

Я кивнула, хотя сама по себе идея не доставила мне никакой радости. Украсть губную помаду – это своего рода спорт. Если говорить о фарфоровом блюде, то я лишь задним числом осознала, что натворила. Я даже слегка в этом раскаивалась. С другой стороны, я любила это блюдо. А тысячи музейных посетителей обратили бы на него так же мало внимания, как и моя мать. В конце концов, я проявила себя истинным знатоком и тем самым, возможно, приобрела моральное право на владение этим блюдом. Но воровать деньги – это уже, на мой взгляд, отдавало уголовщиной, и даже мысль, что ты ведешь себя как истинный Робин Гуд, не могла смягчить укоры совести.

Вдруг Кора соскочила с кровати.

– Сегодня ночью шел дождь. Мне пора ловить улиток.

В немом удивлении я последовала за ней. Босиком, в ночной сорочке, она шагала между мокрыми рабатками, секатором разрезая на ходу жирных улиток. Я как зачарованная наблюдала за ее движениями, видела, как из улиток течет жирная слизь... Мне стало дурно.

Когда я наконец добралась до дому, Карло многозначительно сообщил:

– Тут был Детлеф, спрашивал, где ты.

При этом Карло не без любопытства глядел на меня.

– Что ему было надо? – буркнула я хмуро, хотя предвидела самое ужасное: шантаж.

– Ты его явно зацепила, – продолжал Карло. – А знаешь, что твоя Кора – девка на все сто?! Если ты поддержишь мои ухаживания, я пригоню умного Детлефа прямо в твои объятия.

– На кой он мне сдался, твой Детлеф? – выкрикнула я и захлопнула за собой дверь.

² Международная амнистия – общественная организация.

Приближались каникулы, и я всем сердцем ждала того времени, когда смогу хоть ненадолго расстаться с моим ужасным семейством и заодно выйти из пределов досягаемости Детлефа.

Господи, ну почему жизнь такая сложная?

Глава 3

Красна, как кровь

Недавно в наш автобус сел какой-то папаша со своей маленькой дочкой. Вообще само по себе нелепо брать детей на познавательную экскурсию, и я этого очень не люблю. Обычно дети мешают, они громко говорят во время моих пояснений, пачкают сиденья шоколадом и отвлекают от доброхотных даяний даже самых серьезных туристов. По счастью, большинство родителей это знают, они предпочитают возить малышей на море. Но рядом с этим вот отцом сидела вполне сформировавшаяся личность, которая производила впечатление внимательного слушателя и не изображала из себя вундеркинда, сидела не куколка, а именно юная особа королевских кровей. Мне больно было на это глядеть. Отец и дочь являли собой такую же благородную чету, какой в свое время была я – испанская инфанта рядом со своим царственным отцом. Нет сомнения, что я всячески идеализировала своего отца, который так рано оставил меня. С другой стороны, было вполне вероятно, что и эта очаровательная пара таила в себе ложь и обман, а дома их поджидала озлобленная мать.

Несмотря на ассоциации с собственным прошлым, я не без удовольствия вспоминала нашу акцию по добыванию денег для отца.

Хотя обе мы с Корнелией ежедневно изучали газетные некрологи, благоприятной возможности пока не представлялось, поскольку в большинстве извещений ни слова не было о материальной помощи. В тех же немногих, где упоминался номер счета, речь шла о евангелическом церковном хоре или о союзе голубеводов; если судить по адресам и текстам, объявления давали осиротевшие родственники, знавшие лично всех возможных участников церемонии. Мы с Корой только привлекли бы к себе внимание, а вдобавок в таких местах не приходилось рассчитывать на большие пожертвования. Грабить союз помощи онкологическим больным или союз содействия школе я решительно отказывалась. Под конец в ходе своих изысканий мы набрали на масонов, но как к ним отнестись, толком не знали, известно было только, что этот союз состоял исключительно из мужчин. Кора сумела убедить меня, что никакое это не объединение филантропов и можно с чистой совестью их пощипать.

Вилла находилась на берегу Неккара, изысканное расположение явно пахло хорошими деньгами. Но что делать, если собравшиеся предпочитают переводить свои взносы через банк?

Открытку с соболезнаванием я подписала словом «Д-р» плюс совершенно неразборчивая подпись. На предполагаемые вопросы Кора собиралась отвечать, выдавая себя за дочь некоего франкфуртского профессора. Мы оделись хоть и не в черное, но все-таки достаточно скромно, неброско, никакого макияжа. Я заплела тонкую косичку и нацепила очки Карло. Кора водрузила на голову темный парик, который матушка ей много лет назад приобрела для карнавала. Парик был с челкой, отчего в вельветовых брюках и синем бархатном пуловере она выглядела совершенно как двенадцатилетка.

– Камуфляж, – солидно пояснила Кора, – термин означает «маскировка» и очень распространен в животном мире.

В помещении морга (публичная часть церемонии должна была тем временем проходить в городе) нам открыла пожилая дама. С видом скромной школьницы, искусственно пришепетывая, Кора произнесла нужные слова. Масонская старушка оказалась туга на ухо, тем не менее она кивнула и хотела взять у меня из рук конверт. О приглашении войти даже и речи не возникло, и тогда Кора заревела ей на ухо, совершенно забыв, что должна шепелявить, будто мы долго ехали на поезде и теперь хотим пить.

Нас отвели на кухню, и хотя там не валялись на столе конверты с пожертвованиями, зато было полно аппетитных бутербродов. Пока я пила лимонад, Кора с криком «Туалет!» выбежала из кухни. А старушка спросила меня про моих родителей. Я заверила ее, что родителей у меня уже нет, а сама продолжала стакан за стаканом поглощать лимонад. Тут вернулась Кора, подмигнула мне, тоже отхлебнула лимонаду и, не устывая рассыпаться в благодарностях, пожала старушке руку. После чего мы выскочили из кухни.

Я спросила:

– Удалось?

Она кивнула.

Мы нашли кафе в пешеходной зоне, рванули там в туалет, заперлись в кабинке и начали вскрывать конверты. Корнелия заодно прихватила несколько соболезнований. Лично я ожидала, что она возьмет один конверт, ну от силы два, чего потом никто и не заметит. Но их было куда больше, и в первом же лежал чек.

– Черт! – сказала я. Хотя в общем и целом, как выяснилось несколько позже, улов оказался очень неплохим.

В порыве восторга мы заказали любимый торт, потом шепотом уговорились не тратить остатки, а все передать отцу. Хотя, с другой стороны, он вполне мог спросить, откуда у нас взялись деньги.

– У меня идея! – воскликнула Кора, и я тотчас ей поверила.

До сих пор мне дважды удавалось ускользнуть от Детлефа. Он был близорук, и я всегда успевала заметить его раньше, чем он меня. Первый раз он стоял, прислонившись к ограде перед нашим домом, как раз когда я возвращалась с занятий испанской рабочей группы (ее вел господин Беккер). Я, словно заяц, описала петлю и спряталась, присев на корточки, за оградой чужого палисадника. Когда спустя долгое время он все же удалился, я, совершенно оцепенев, наконец-то вылезла из своего убежища. В другой раз он сидел у нас на кухне, а перед матерью делал вид, будто поджидает Карло. На сей раз мне молниеносно пришла в голову отличная выдумка: Карло велел сказать, чтоб ты его не ждал, он пошел в кино. Детлеф бросил на меня уничтожающий взгляд, но, не осмелившись возражать в присутствии матери, просто взял и ушел. Вскоре после этого объявился Карло. Мать была крайне удивлена, но слишком устала, чтобы проводить расследование. Она со вздохом поставила на огонь чайник и положила на стул отекавшие ноги.

На другой день Карло доставил мне письмо от Детлефа.

– Вы только взгляните, – сказал братец, – как наша слониха топчет мужские сердца!

Он и не подозревал, что принес мне не любовное послание, а угрозу шантажиста.

Если завтра в шесть вечера тебя не будет у задних дверей банка, я донесу.

Д.

Кора посоветовала мне сходить туда.

– Сперва мы должны узнать, чего он вообще хочет и почему не донес до сих пор, – сказала подруга. И предложила составить мне компанию, но я отказалась. Пусть не думает, что я какая-нибудь трусиха.

Карло всегда возвращался домой к пяти, а потому, поджидая в указанное время своего вымогателя, я могла не опасаться, что встречу заодно и брата.

Поначалу Детлеф держался, можно сказать, дружелюбно. Он даже пригласил меня в кафе на стаканчик чинзано. Потом перешел к делу. Все в порядке, все путем, и фарфоровое блюдо может еще послужить игрушкой моим внукам, если, конечно, я сделаю какие-то встречные шаги. Я изобразила полное непонимание, чтобы заставить его называть вещи своими именами. После этого заявления мы долгое время ходили вокруг да около. Наконец

он потребовал, чтобы я с ним переспала. Я была уже готова к чему-то такому, но на какое-то мгновение лишилась от возмущения дара речи. Накричать на него при всем честном народе я не могла. Я встала.

– Ладно, хорошо, я обдумаю твои слова, – сказала я, больше всего на свете желая увидеть Кору. Уж она-то что-нибудь придумает.

Через десять минут я оказалась у Кору и выслушала ее похвалы:

– Ты молодчина. Нам надо продержаться пять дней, до отъезда. А потом мы от него избавимся.

– Но пять дней – это очень долго. Завтра он опять пристанет!

– На худой конец предоставь его мне. С таким мафиозо из детской песочницы я справлюсь в два счета.

– Тогда он захочет переспать с *тобой*. Может, даже охотнее, чем со мной.

Корнелия обняла меня.

– Не волнуйся. Я из него козьявку сделаю. – И показала большим и указательным пальцем, какую именно. Но мне все равно было так страшно, что она пообещала в ближайшие пять дней не оставлять меня одну.

Мать не возражала, чтобы я переночевала у Кору. Дружба дочери с профессорской дочкой ей льстила. Я насочиняла, что родители Кору уехали, а она боится остаться на ночь одна в таком большом доме. К моему великому удивлению, мать предложила, чтобы Кора спала у нас, но потом и сама согласилась, что столько места и такого комфорта мы ей при всем желании не можем предложить.

Так мы получили возможность встречать Детлефа, только когда мы вдвоем, а в присутствии Кору мне приходили на ум такие колкости, которые не оставляли нашему приятелю ни следа надежды.

В первую же пятницу мы с Корой сели в поезд. Родственники Кору не пришли в восторг от нашего визита, да и то сказать, времени на нас у них почти не было, и это нас вполне устраивало. Корнелия была приучена к самостоятельности собственной матерью. Эта красивая женщина, видеть которую мне доводилось лишь изредка, была наделена, по словам Кору, бродячим духом. Она слушала лекции по психологии, посещала вернисажи, прочесывала бутики и регулярно летала дня на три в Нью-Йорк.

Гамбургская сестра ничуть на нее не походила. Это была настоящая рабочая лошадка. С раннего утра до позднего вечера в страховом зубо врачебном кабинете она корпела над чужими челюстями.

Отсидев в Гамбурге ровно день, мы отправились в Любек. Еще ни разу в жизни я так сильно не волновалась. Интересно, выглядит ли отец и сейчас точно так, как на фотокарточке, которая у меня сохранилась? Хотя этой фотографии уже девять лет... Это был человек, наделенный богатой фантазией, временами веселый, временами задумчивый, даже замкнутый. Когда он рисовал, мешать ему запрещалось. Он был стройным и красивым, носил бородку. Интересно, узнаю я его или нет? Я не могла вспомнить его голос. Интересно, он понравится Корнелии? Для меня и это было очень важно.

Много раз пришлось спрашивать у прохожих, пока мы не нашли нужную улицу. Квартира находилась на первом этаже. На куске синей изоляционной ленты, приклеенной ниже всех остальных кнопок, было написано: «Роланд Вестерман». Мы позвонили, сначала робко, потом громче, и, когда уже почти решили отступить, перед нами распахнулась дверь.

Злобный мужчина в купальном халате возник в дверном проеме. Это был уже не король, это была карикатура на короля.

Одолев приступ бессильного ужаса, я сказала:

– Я Майя.

Отец потуже затянул на толстом животе веревку-пояс поверх тесноватого купального халата в красную и серую полоску, после чего протер глаза. На меня он глядел еще более изумленно, чем я на него.

– Никак моя дочь?

Я кивнула и расплакалась. Толстяк затянул меня в коридор, растерянная Кора без всякого приглашения вошла следом.

В полутемной кухне мы уселись на чугунные садовые стулья со сломанными сиденьями. Здесь воняло пивом, дымом, квашеной капустой и несвежей постелью, которую было видно через открытую дверь.

Отец то и дело качал головой. Потом взглянул на часы, висевшие рядом с бритвенным зеркальцем над раковиной. Было два часа дня.

– Неудачное время. Я с утра начинаю работать очень рано, а сейчас надумал вздремнуть.

– Откуда ж нам было знать?..

Кора взглянула на него.

– Я подруга Майи, – отдельно произнесла она, словно обращалась к слабоумному.

В правом ухе у отца торчала ватная затычка, и сейчас он медленно выдирал ее оттуда.

– А ребенком ты была красивая, – вдруг сказал он мне.

Я не знала, что ответить. Значит, теперь я некрасивая?

Кора распахнула окно. Отец встал, поднял шторы в своей каморке и вынес ночной горшок. Когда он вышел, я сквозь слезы подмигнула Коре.

– Твой отец пьет, – сказала она.

Таких высот моя диагностика еще не достигла. Когда отец вернулся в комнату, я как следует его разглядела. Седина, мешки под глазами, бородки и следа нет, сам небрит, пряди редких волос неопределенного цвета торчат как попало. Живот вздут, под купальным халатом угадывается наличие грязной ночной сорочки, на ногах – пижамные штаны из фланели мышино-оливкового цвета.

Под моим пристальным взглядом отец застеснялся.

– Я оденусь, – сказал он и прикрыл за собой дверь спальни.

И снова мы с Корой обменялись взглядами. Она достала из сумочки деньги и передала их мне, шепнув: «Скажем: лото!»

Когда отец снова вышел к нам, он выглядел гораздо лучше. Теперь на нем была темно-синяя фуфайка, достаточно просторная, чтобы скрыть живот. Он успел причесаться и попрыскался одеколоном с резким запахом. Но черные брюки были облеплены кошачьей шерстью.

– Детки, – сказал он, – вот это сюрприз! Сейчас мы с вами отправимся в какое-нибудь кафе, а то здесь слишком уж затхлый воздух. Это плохо для пожилого человека, страдающего ревматизмом, а для двух молодых дам просто невыносимо.

Я протянула ему деньги.

– Мы выиграли в лото, – пояснила я.

– Нет, этого я принять не могу! – воскликнул он, пересчитывая банкноты. – Еще не хватало брать взаймы у родной дочери!

– А я их тебе дарю! – отвечала я.

И отец спрятал деньги в карман.

Мне было бы приятно, если бы меня обняли, но только не старый ревматик, а король и художник.

В кафе он заказал для себя пиво и водку, я попросила кофе, а Кора – шоколад. Далее я должна была рассказать о себе и о Карло. После нескольких рюмок отец стал симпатичнее, раскованнее, остроумнее.

– Что значит «развозчик крови»? – спросила я.

И он объяснил, что по утрам объезжает на машине от фирмы бесчисленное количество врачебных кабинетов. Там ему передают сумки с анализами крови, и эти анализы он и доставляет в центральную лабораторию.

– У меня все руки в крови, – сострил отец. К полудню он возвращается домой, где позволяет себе вздремнуть, потом встает и садится за мольберт. В прошлом году с ним случилось большое несчастье – на шесть месяцев его лишили водительских прав, а никакой другой работы не было. Но слава богу, потом его снова приняли на работу.

– Но я весь в долгах, детки, на социальное пособие не проживешь.

Разумеется, мне хотелось поговорить о его живописи, и отец обещал показать дома свои картины, но, когда спустя три часа мы покидали кафе, он отправил нас на вокзал: ему-де нужно работать, а через денек-другой мы могли бы навестить его снова. Телефона у него, к сожалению, нет, но вторая половина дня самое подходящее время.

Я долго не могла заговорить с Корой, сидела рядом, тупо уставившись в окно вагона. В какую-то минуту я поймала себя на том, что представляю себе скандал в их благородном доме. До такой степени мне было стыдно.

Ближайшие дни мы провели в каком-то полусне, поздно вставали, ходили в бассейн, заводили знакомства с другими молодыми людьми и возвращались домой лишь тогда, когда тетя ждала нас к ужину. Мы позволяли ей подсовывать нам деньги на кино, а остатки просаживали на электронные игры, хоть и считали, что уже давно вышли из этого возраста. Скоро мы познакомились с двумя молодыми людьми, у которых были каникулы. Мы пригласили обоих в теткину квартиру на поздний завтрак. Корнелия без раздумий выбрала того, что покрасивее, и повлекла его на кухню, тогда как я осталась скучать в столовой с его заторможенным другом. Но я от души желала Коре поразвлечься и наслаждалась тем, что во всем Гамбурге меня никто не называет слонихой. Про себя же я вела непрерывные разговоры с отцом.

«А ты еще помнишь, что я была инфанта Майя, а ты король Испании? Почему ты так опустился? Кто такая эта Карин? Какие ты пишешь картины?» – обо всем этом я расспрашивала его в моих воображаемых беседах с ним, но подозревала, что при следующей встрече буду интересоваться только его картинами.

Кора не горела желанием вторично прокатиться в Любек, но, с другой стороны, не хотела бросать меня на произвол судьбы. Я всячески старалась ее заверить, что она спокойно может остаться в Гамбурге, но это для нее было слишком скучно. Словом, мы оставили тетушке записку, чтобы не ждала нас к ужину, и предприняли второй поход на Любек.

Похоже было, что отец как бы ожидал нас. И сам он, и его жилье произвели теперь куда более выгодное впечатление. Из малого количества припасов он приготовил вполне съедобную стряпню, причем мне мешали только грязные тарелки. Я с готовностью перемыла бы их горячей водой, но боялась обидеть отца.

По моей просьбе он показал нам некоторые из своих картин. От зоркого взгляда Кору не укрылось, что он обходится всего тремя красками.

– Ты права, – и отец впервые пристально взглянул на Кору, – понимаешь, я обратил изъян в добродетель. Вы, без сомнения, знаете сказку «Бела как снег, черна как эбенное дерево, красна как кровь». Когда у меня совсем не осталось денег, чтобы покупать краски, я принял решение обходиться лишь теми тремя, которые у меня еще остались. Черна как смерть, бела как свет, красна как грех.

Мы слушали внимательно, словно на уроке.

– А наци со своими бело-черно-красными флагами... Возможно, свастика и белый круг в море крови задели чувствительный нерв сторонников. При схожем мотиве, но в другом цвете, – скажем, синем, желтом, зеленом, – они никогда не имели бы такого успеха. Из чего следует: стоит нарядиться в черно-бело-красные цвета – и вы приобретете толпу почитателей...

– Не хочу я почитателей-фашистов! – воскликнула Кора.

Я несколько растерялась. А не имеет ли ярко-красный цвет какое-то отношение к его деятельности развозчика крови? Позднее я задумалась над вопросом: почему отец выбирает именно эти краски, хотя сам же обозначил их как праворадикальные? И разве краски вообще могут распространять ту либо другую идеологию, разве они не даны самой природой и невинны, как земля, море и трава?

Все картины отца были похожи одна на другую.

Всюду по красным плодам ползали черные насекомые – жуки, муравьи, тля. Задний план был белого цвета, по большей части скатерть с тщательно выписанными тенями и складками.

– По умению себя ограничить и виден мастер, – пояснил отец.

Я вспомнила его прежние картины.

– А вот раньше ты писал небо и море, и никогда – плоды граната, по которым ползают клопы.

– Разве? Впрочем, ты, может, и права.

Он запустил руку за платяной шкаф, встревожился, не сразу отыскав то, что хотел, и стал извлекать из щели все новые и новые полотна черно-бело-красных тонов. Среди них нашлось одно, которое вызвало удивление у него самого. Белое, напоминающее Христа тело лежало на черных, обугленных балках, а из ран его струилась кровь. Чертами лица этот человек напоминал Карло. Мы тупо воззрились на картину.

– Не иначе написал это спьяну, – признался отец.

Как уже не раз бывало, Кора вслух сказала то, о чем я лишь осмеливалась думать:

– Господин Вестерман, а Карло не навещал вас в последнее время?

Отец обескураженно поглядел на нее и отрицательно помотал головой.

– А откуда ты знаешь, как теперь выглядит Карло? – спросила я. – Ведь тогда он был совсем ребенком.

– Это не Карло.

– Кто же тогда? – спросила Кора.

– Ах дети-дети, никто. Порождение фантазии. Майя, кстати, а мать знает, что ты поехала ко мне?

– Нет.

– А что она про меня говорит?

– Ничего.

Отец поверил мне. Мы распрощались и пообещали в самом непродолжительном времени снова навестить его.

На другой день Кора встретила в городе со своим студентом, а я тем временем приняла рейд по гамбургским магазинам. Вообще-то говоря, в тот день я воровать не собиралась. Денег на карманные расходы, которые мне дала мать, вполне хватало. На эти деньги я могла платить за проезд в трамвае, покупать мороженое и другие мелочи. Мои личные запросы были более чем скромными, и мне никогда не приходило бы в голову приобретать предметы роскоши. Но вот ради своего бедного отца...

Ни денег, ни продуктов я воровать не стала – я стала воровать краски. Названия завораживали меня: *Caput mortuum*, *Cölinblau* и *Krapplack*³.

Поскольку на дворе стояло лето и я не могла вырядиться в свою «слоновью» накидку, я надела на руку большущий пластиковый пакет с булочками, а в недра его опустила небольшой набор тюбиков. Кисточка требовалась из шерсти куницы.

Вечером мы пошли на мюзикл. Дядя Кору принес нам билеты. Он питал тайную надежду, что скоро мы отправимся восвояси. Кора решила, что мы должны по возможности скорее доставить эти замечательные краски в Любек. С тех пор как ей довелось увидеть картину с покойником, она была самого высокого мнения о таланте моего отца, потому что тема вполне соответствовала ее вкусам.

Отец был растроган нашим подарком.

– Да, но что же мне теперь нарисовать?

– Нас, – ответила я, – двойной портрет, Корнелия и я.

– Я целую вечность не писал портреты.

Но Кора тоже пристала к нему, так ей понравилась моя идея. Отец вошел в раж – его побуждали к тому новые краски. Начал он с многочисленных набросков, и все они получались у него на удивление живо.

– Я напишу вас как двух куртизанок Утамаро⁴.

Об испанских принцессах даже и речи не заходило.

После трех сеансов, исполнившись творческого пыла, он завершил картину. По колориту это полотно было не сравнить с жучками-червячками, оно было гораздо пестрее.

Мы с Корой выглядели на нем более взрослыми и умудренными, но в выражении лиц было что-то по-детски жестокое, словно мы только что оборвали крылышки у всех его насекомых.

Отец был в восторге, он впервые обнял меня, обнял и Корнелию (не слишком тактично, на мой взгляд) и выразил мнение, что эта картина послужит началом его второй карьеры. Хотя про его первую карьеру я ровным счетом ничего не знала.

На прощание отец захотел подарить мне свою картину. Но как спрятать подарок от матери? Уж она-то сразу догадалась бы, кто ее писал. Я попыталась втолковать это отцу.

– Ну, скажи ей правду, – ответил он.

– Она никогда не говорит о тебе. Мы с Карло не хотим ее огорчать. Может, она так до сих пор и не простила, что ты нас бросил...

Сказав эти слова, я очень смутилась, ибо ни разу еще не разговаривала с ним так откровенно.

Он смотрел прямо перед собой неподвижным взглядом.

– Суровая женщина, – наконец сказал он. – Можно подумать, я по доброй воле сел за решетку.

Мы с Корой так и побелели.

– А почему вы сидели за решеткой, господин Вестерман? – вежливо спросила она.

Лично я не осмелилась бы задать такой вопрос.

– Господи... – Отец достал бутылку и отхлебнул прямо из горлышка. – Расскажу, когда вы немного подрастете.

В шестнадцать лет неприятно слышать такие слова.

– Как ни суди, это был несчастный случай, и я за все заплатил. Если бы твоя мать поддержала меня, я бы уже много лет снова был с вами.

Он еще заметил, что другие женщины не так жестокосердны.

³ Мертвая голова (*лат.*), кельнская глазурь (*нем.*), краплак.

⁴ Утамаро Китагава (1753–1806), японский мастер ксилографии и живописец.

И снова Корнелия принялась его допытывать:

– А вы потом женились во второй раз?

Хотя она не могла не знать – мои родители так и не развелись.

– Нет, нет, – сказал он, – Карин – она медсестра, очень энергичная женщина и без всяких предрассудков. Теперь, когда я состарился и мне нужна помощь, она меня покинула.

– Папа, – спросила я, набравшись храбрости, – а ты помнишь, как называл меня инфанта Майя?

– Какая такая инфанта? – переспросил он и поковырял спичкой в ухе. – Откуда у нас возьмутся инфанты? К слову сказать, Карин была не моложе твоей матери. Даже на год старше.

Ну какое мне было дело до этой дуры Карин?

– Папа, – умоляющим тоном продолжала я, – я говорю про Веласкеса.

– Веласкес? Если мне не изменяет память, он писал испанский двор, инфант, конечно, боже мой. А ты-то откуда это взяла? Я не эпигон.

Эти слова доказали мне, что он совсем позабыл свою маленькую дочь.

Кора тем временем заворачивала картину.

– Если Майя не хочет, я сама ее возьму.

Отец молча кивнул. У него и мысли не возникло, чтобы сохранить портрет для себя. Мы попрощались. На другой день мы собирались ехать домой. Много я так и не смогла прояснить и узнать, просто к старым тайнам добавились новые. Обиженная и разочарованная, я протянула отцу руку.

– Ну, тогда привет, – сказал он.

Глава 4

Персиковый

Родителей можно ненавидеть, а можно идеализировать. Родители Кору представляли собой полную противоположность моим – до такой степени, что казались мне лишенными малейших признаков подлости и будничной усталости друг от друга, казались символом современных партнерских отношений. Отец у меня был алкоголик, мать страдала депрессией – то ли она страдала из-за него, то ли он из-за нее начал прикладываться к бутылке. Как бы то ни было, на пути своего рокового развития они подталкивали друг друга.

Весной во Флоренции порой идут проливные дожди. Из автобуса сложно разглядеть всю красоту этого города – потоки грязной воды струями бегут по стеклу. Быть может, сравнение их со слезами, которые льются из моей грязной души, покажется не очень оригинальным, но оно снова и снова приходит мне на ум.

В такие хмурые дни я вспоминаю, как мы возвращались из Гамбурга в Гейдельберг. Когда мы уже сидели в вагоне и родственники Кору кивали нам с видом явного облегчения, мне казалось, что у меня начинается грипп. Я так и не заболела, но мое внутреннее бессилие и плаксивость вполне походили на предвестников болезни. Мы говорили о моем отце, правильнее сказать, Кора говорила, а у меня не было сил развивать собственные теории.

– Ты расскажешь Карло о том, что мы у него были, конечно, не упомянув ни единым словом наш выигрыш в лото?

Я пришла в ужас.

– А вот это не его собачье дело.

Хотя, с другой стороны, мне показалось заманчивым, что теперь я знаю больше, чем брат, могу подробным повествованием кое-что у него выведать и вообще устроить ему настоящую пытку.

– Надо подумать, – ответила я и, привалившись к Коре, уснула.

Я проснулась после лихорадочной дремоты, меня терзал неприятный сон, который я не могла бы передать словами. Он имел какое-то отношение к картинам отца. Мне скоро предстояло расстаться с Корой, и тогда я оказалась бы беззащитной перед моим шантажистом. Без подруги я чувствовала себя как ребенок без матери.

В багажной сетке Корнелия обнаружила газету. Не успела я открыть заспанные глаза, как она воскликнула:

– Я хочу прочитать тебе кое-что интересное. Слушай:

Во время праздника, устроенного молодежью в окружном центре Г., при трагических обстоятельствах семнадцатилетний Маркус Ш. был с тяжелым ранением доставлен в больницу. Изрядно выпив, он приставил себе к виску газовый пистолет своего отца, относительно которого был убежден, что это вполне безобидная игрушка, и спустил курок. Если верить словам друзей, он просто хотел попугать свою одноклассницу, которая его отвергла. Буйное веселье завершилось более чем ужасно. Взрывная волна причинила молодому человеку тяжелое ранение мозга. В бессознательном состоянии он был доставлен в неврологическое отделение университетской клиники, где лишь три дня спустя был выведен из состояния комы.

Кора выжидательно на меня посмотрела.

– О'кей, – среагировала я. – Этого я не знала. Я всегда думала, что подобное оружие служит только для запугивания, а вреда причинить не может.

– Пожалуй, так и есть, но этот глупый Маркус прижал пистолет к виску, вот в чем разница.

– Пусть так. – Я пожала плечами.

– Майя, а ты знаешь, что у моего отца в ящике стола лежит такой же пистолет?

Я вытаращила глаза. Что это она задумала?

– Если этот Детлеф от тебя не отвяжется, можно и так...

– Ты хочешь его убить?

– Да нет, можно сделать так, чтобы он сам выстрелил, ну, как в этой газете. Никто ведь не знает, что мы ее прочли.

– Нет, Кора, это слишком. Надо подойти к делу с другого конца. Чтобы на руках у нас было что-то такое, чем мы сами его сможем шантажировать, так сказать, антишантаж.

Кора задумчиво щипала свой мохнатый пуловер.

– Что ж, вполне можно попробовать. Родителей на будущий уик-энд как раз не будет дома. Во вторник они уедут отдыхать, а до тех пор мы должны тебя выручить.

– Ты что этим хочешь сказать, насчет уик-энда и отъезда родителей?

– Понимаешь, вечеринка, о которой написано в газете, наводит меня на мысль. Мы пригласим Детлефа и Карло, а может, и еще кого. И напоим этого гада, и я прижмусь к нему, и заманю его в родительскую спальню. Он разденется и сбросит свою одежду в ванной, потому что я так захочу. У нашей ванной две двери, ты возьмешь его вещи и спрячешь.

– Ах, Кора, ну зачем это нужно? На него это не произведет никакого впечатления. Он залезет в супружескую постель, наденет пижаму твоего отца и проспится. И вообще, с какой стати он будет раздеваться догола, если ты сама не разденешься?

– Ну я тоже слегка разденусь.

Корнелия во многом меня превзошла, об этом я догадывалась. Но насколько превзошла, я не спрашивала, сознавая, что мне самой по этому поводу сказать нечего. Я сделала над собой усилие:

– Кора, а когда ты впервые по-настоящему имела дело с мужчиной?..

– Позавчера.

Я не поверила и принялась допытываться:

– Студент, что ли?

Она кивнула: он самый.

– Ну и как тебе показалось?

– Ты не много потеряла.

В то время я еще не знала, что Кора воспринимает мужчин как своего рода мышат, с которыми молоденькой кошке можно и поиграть, прежде чем утолить голод.

Мы надолго замолчали, глядя из окна на проносящийся мимо плоский северный пейзаж. Потом снова вернулись к нашему шантажисту и решили все-таки устроить вечеринку. Без оружия, конечно, но с намерением как-нибудь его опозорить или просто испугать. Лучший метод защиты – это нападение.

– А если ничего не выйдет? – спросила я. – Ты будешь есть мороженое где-нибудь в Италии, а мне придется шнырять вокруг нашего дома.

– Вздор! Ты слониха, и ты его затопчешь.

И тут у меня возникла идея.

Карло обрадовался приглашению, возможно, вообразив, что Кора затевает все это ради него. За день до предстоящего события я съездила в дом престарелых. Не сказать, чтобы я

часто там бывала. Я прошла в приемную, и сотрудница матери, которую я не знала, с любопытством на меня поглядела.

– Ты, значит, дочь фрау Вестерман! Между прочим, ты вовсе не похожа на слониху.

Я спросила, где мне найти мать, объяснив, что потеряла ключи от дома. Сиделка пошла разыскивать мать, а я, едва оставшись в комнате одна, ринулась к шкафчику с медикаментами и начала искать там снотворное. Вообще-то, сурово отметила я, такие шкафчики надо запирать, а здесь во всех замках торчали ключи, хотя по отношению к выжившим из ума старикам такое доверие проявлять было легкомысленно. Особенно много, если не считать слабительных средств, было транквилизаторов и снотворных.

Когда мать, несколько удивленная моим неожиданным визитом, вошла в кабинет в своем белом халате, я повторила ту же выдумку насчет ключей. Она, бранясь, дала мне свой ключ.

– Когда ты была маленькая, с тобой ничего подобного не случилось.

В дверях возник врач и ухмыльнулся.

Слоновая регрессия.

В распоряжении Кору было немалое количество напитков из родительских погребов. Мы решили приготовить угощение, которое переваривается с трудом и делает гостей усталыми и тупыми. Из фасоли, жирных свиных потрошков, помидоров, чеснока, соуса чили и красных испанских колбасок мы ухитрились в середине августа состряпать вполне зимнюю трапезу, после которой человеку хочется хорошенько выспаться.

Карло известил Детлефа, и теперь тот, без сомнения, ликовал по поводу предстоящей оргии. Наша одноклассница по имени Грета хотела привести своего дружка, а Кора пригласила еще своего двоюродного брата, у которого тоже оказалось под рукой некое завоевание. Брат Корнелии, с которым я не была знакома, учился в Штатах, и дома его поджидали только к Рождеству. Восьми человек, как мы полагали, вполне достаточно, чтобы устроить вечеринку.

У нас было вино, пиво и множество крепких напитков, которые мы без зазрения совести извлекли из профессорских погребов и притащили в комнаты. Детлеф перепробовал все, а мы усердно ему подливали. Он одарил сияющей улыбкой меня, а Кора его. Карло был этим несколько раздосадован, потому что считал Кору своей добычей. Потом мы подали неудобоваримый ужин. Мы с Корой хвалились, утверждая, будто все кушанья изготовлены по настоящим перуанским рецептам, и не скупясь подкладывали и подкладывали на тарелку нашему шантажисту. Первая таблетка снотворного уже находилась у него в желудке, поскольку, расктертая Корой, была засунута ему прямо в рот с ложкой фасолевого супа.

Она кокетничала с ним слева, я же трудилась справа.

В какой-то момент Карло дернул меня за рукав и вытащил на кухню.

– Слушай ты, слониха! Не знаю, что ты затеяла, – прошипел он, – но ты могла бы дать хорошего пенделя своей подружке, чтобы она уступила тебе Детлефа.

– Это почему же?

– Господи, не строй из себя идиотку! Какая мне радость, если вы обе положили глаз на Детлефа, а я тем временем должен как дурак подсматривать в щелочку.

– Ну и катись домой! А мы с Корой теперь одна душа и одно сердце.

Он пребольно ущипнул меня за руку.

– Никакой души и никакого сердца у вас нет!

После второй таблетки снотворного, изрядного количества еды и водки Кора увлекла за собой Детлефа, чтобы показать ему дом.

Оскорбленный Карло ушел, а остальные парочки были заняты друг другом.

Я скользнула в ванную, оставшиеся таблетки растворила в шампанском, а шампанское налила в помеченный бокал. Сквозь приоткрытую дверь я видела, как Детлеф в одних трусах сидит на кровати Кориных родителей. Кора приняла бокал у меня из рук и начала вливать шампанское в Детлефа. Тот глядел по сторонам остекленелыми глазами. Тут вошла я, и мы обе разделись, сняв с себя все, кроме трусиков и бюстгалтеров. От этой картины Детлеф даже захрюкал.

– Кровь моя как пылающая лава.

Тут он завалился на бок и заснул.

Мы заперли его, а сами вышли к другим гостям, которым объяснили, что прогнали Карло и Детлефа, поскольку те слишком напились. Испуганная Грета вместе со своим другом тоже заторопилась домой. Кузен вместе со своей девушкой перебрался в комнату Коринного брата. Принявшись за уборку, мы слышали, как громко хлопнула входная дверь – стало быть, мы остались наедине с Детлефом. Мы поспешили в родительскую спальню. Он лежал с раскрытым ртом и успокоительно храпел.

Одет Детлеф был вполне достойно, он, как и Карло, работал в банке и усвоил, что небрежность в одежде никак не способствует карьере. Так что чисто внешне мы мало что могли поставить ему в укор. Правда, он, как и его имя, был несколько пресным – волосы как у поросенка, унылое детское лицо, но такие детали, как синий перстень с печаткой и пижонские часы, побудили нас к творческим свершениям.

– Сейчас мы можем делать с ним все, что пожелаем, – шепнула Кора.

– А что мы пожелаем? – спросила я, чуть повысив голос, поскольку было совершенно ясно, что его сон похож на наркотический.

– Ну, к примеру, взять и срезать, – предложила Кора довольно громко.

Я перепугалась:

– А если он истечет кровью?

– Чушь какая! Волосы срезать.

Мы обвели комнату ищущим взором. Вообще-то мне до сих пор редко доводилось созерцать спальни взрослых. Мать у меня спала на раздвижной софе прямо в гостиной. У родственников моих или Кориных я еще видела двуспальные постели, тумбочки, платяные шкафы, но без следа эротического налета. А здесь все было по-другому. Больше всего очаровало меня постельное белье. Лично я знала белье только белое, клетчатое или в какой-нибудь скромный цветочек. А здесь на постели лежало белье из чистого шелка непривычного розового цвета, которое в приглушенном свете лампы казалось мне воплощением греха.

– Цвет до чего странный...

Кора кивнула:

– Персиковый, любимый цвет моей матери.

Щетина Детлефа плохо гармонировала с этим цветом. Круглый разинутый рот делал стажера сберкассы похожим на фарфоровую свинью-копилку, которой суют в рот сбереженные монетки. Кора достала лак для ногтей, принадлежащий ее матери и, разумеется, тоже розовый.

– Помоги мне перевернуть его на живот, – сказала она и деловито начала покрывать розовым лаком спину Детлефа.

Я тем временем перерыла карманы его блейзера и вынула бумажник. Подняв глаза, я увидела, что на спине у Детлефа уже написано: «А я...»

– Дальше что?

– Свинья, – ответила Кора.

– Не слишком оригинально.

– О'кей, пусть будет: «А я гомик». – И Кора обмакнула кисточку в лак.

– Нет, – предложила я, – лучше напиши: «А я импотент».

Сам он не может избавиться от надписи, придется ему просить кого-то другого. А всего бы лучше, чтобы он вообще ни о чем не догадался и пошел в бассейн...

Когда надпись подсохла, мы снова его перевернули на спину.

– Кора, Кора, погляди-ка, у него в бумажнике два любовных письма от двух разных женщин.

– Дай-ка сюда, я сейчас принесу их обратно. У отца есть ксерокс и поляроид.

Покуда Кора снимала копии с писем, у меня было достаточно времени, чтобы разглядеть голого Детлефа. Но когда на лестнице послышались шаги Кору, я поторопилась его укрыть.

– До того, как мы его сфотографируем, он у нас получит ногти персикового цвета на ногах и на руках.

Маникюр и педикюр в высшей степени нас удовлетворили. Под конец мы раскрасили циферблат его часов и перстень.

– Что бы еще сделать?

Кора извлекла из письменного стола папы-профессора различные штампы и печати, надписи на которых зачитала вслух: «Книжная бандероль», «Печатное издание», «В собственных руках», ну и так далее. Мы выбрали штамп «Обработано» и пропечатали грудь Детлефа, на которой росли редкие волоски.

– Хорошая фотка получится, жаль только, что нельзя сразу снять и зад, и перед – чтоб можно было прочесть и «Обработано», и «импотент».

– Слушай, а давай заодно пожертвуем этой свинье-копилке серьгу в ухо.

Штопальной иглой Кора проколола Детлефу мочку уха, я же стояла наготове с платком и куском мыла. Детлеф издал во время процедуры какие-то злобные звуки, но не сопротивлялся. Мы продели через дырочку в ухе серебряную проволочку, а на проволочку нанизали маленького негртенка, родом из автомата жевательной резинки.

И в завершение мы сделали множество снимков. Детлеф во всех проекциях, один раз с Корой, другой со мной. Но сами не раздевались, а только по очереди высунули головы из-под пухового одеяла, также в персиковом пододеяльнике.

В бумажник мы ему засунули оригиналы писем и фотокопии, чтобы он знал, что мы их размножили, ну и заодно несколько наиболее удачных снимков.

Покуда Кора вслух зачитывала любовные письма, я обрезала золотые пуговицы с якорями на его темно-синей куртке и аккуратно перешила все до единой на один сантиметр дальше. За этим делом меня вдруг одолели сомнения.

– А ты не находишь, что это нацистские методы? – спросила я у своей веселой подружки.

Кора сумела меня успокоить:

– Так снаружи все равно ничего не видно, разве что крашенные ногти и негртенок. Это он вполне может при желании объяснить условиями пари. Нечего так уж сразу напускать в штаны. А сейчас мы пойдем спать.

Осторожности ради мы не стали гасить свет в спальне, а рядом с кроватью поставили помойное ведро.

– А не стоит ли нам завтра утром, еще до того, как он проснется, подлечь к нему в постель? – спросила я. – Тогда он вполне может подумать, что мы всю ночь с ним развлекались, а потому теперь в расчете.

– Зачем же мы тогда написали «импотент» у него на спине? Мне лень уничтожать эту надпись. И к тому же я не знаю, где у нас смывка для ногтей.

Тогда мы пошли спать, потому что мать разрешила мне заночевать в почтенном профессорском доме. Проспали мы до двух часов, и только непрерывные телефонные звонки смогли нас разбудить.

– Наверняка родители, – простонала Кора и сняла трубку. Но это звонил Карло, он не сумел дозвониться Детлефу по домашнему номеру и желал узнать, куда тот делся.

– Понятия не имею, – отвечала Кора, – он набрался до чертиков, а потом еще хотел заглянуть в какой-нибудь бордель, только не спрашивай меня в какой.

Потрясенный Карло положил трубку. И мы поспешили к розовой супружеской постели. Наш свиненок и впрямь воспользовался помойным ведром. Кора распахнула окна. У Детлефа был совсем больной вид, мне даже жалко его стало. Мы немножко потолкали его, и он с трудом открыл глаза.

– Иди отсюда, – строго сказала Корнелия, – не хватало еще, чтобы мать застала тебя в своей постели.

Детлеф хотел поглядеть, который час, взглянул на розовый циферблат и застонал.

– Сейчас понедельник, – подхватила я, – если поторопишься, можешь успеть за свое окошко в сберкассе, только перегаром от тебя будет разить даже сквозь стекло!

Мы вышли из спальни, а через некоторое время услышали, что он с ужасной бранью поспешил в туалет, а затем в спешке покинул дом. Больше у него никогда не возникало желания нас шантажировать. Но и к Карло он заметно охладел, а мой бедный брат так никогда и не понял почему.

В глубине души я надеялась, что родители Кору пригласят меня в Тоскану. Вот уже много лет они снимали одну и ту же виллу в Colle di Val d'Elsa. Я знала даже, что там четыре кровати. В прежние годы с ними всегда ездил брат Кору, но сама проситься я не хотела – ведь профессор уже оплатил мою поездку в Гамбург, и мне казалось, что я вечно таскаюсь за ними на правах бедной родственницы.

Хотя Кора много раз описывала мне их дом в Тоскане (разумеется, с бассейном), у нее тоже не возникало мысли добиться приглашения от своих родителей.

И вот теперь она была в Италии, загорала, совершенствовала свой итальянский благодаря легкому флирту с шоферами из фирмы «Веспа», ела помидоры с базиликом, пила кьянти. А я?

– Вы часом не лесбиянки? – злобно спросил Карло после той пресловутой вечеринки.

Вместо ответа я опрокинула полную пепельницу на его белую сорочку. Но призадумалась над этими словами. Ну конечно, мы были никакие не лесбиянки, но я не могла не признать, что выкинула из головы своего учителя географии по мере того, как все больше сближалась с Корой. «Ведь есть же что-то ненормальное в том, что сейчас мне не нравится ни один мужчина?» – с тревогой спрашивала я себя. Кора была для меня всем на свете, с ней мне было хорошо, с ней я считала себя защищенной от всех гадостей этого мира. Без нее я чувствовала себя словно полчеловека, но хороша ли такая зависимость?

Те две недели, что Кора отдыхала в Италии, я очень страдала. Была усердной и прилежной, тщательно прибиралась у себя в комнате, привела в порядок кухню, чтобы хоть как-то разгрузить мать, а по утрам, когда мать уходила в дом престарелых, а Карло – в банк, рылась в старых бумагах. Я надеялась обнаружить какие-нибудь документы, знаки памяти, письма от моего отца. Мать явно уничтожила все хоть как-то с ним связанное. Лишь несколько фотоснимков в семейном альбоме она приличия ради оставила, хотя, может, и не из-за приличия, а потому, что именно пустое место в альбоме могло пробудить любопытство, да вдобавок не могла же она утверждать, будто мы появились на свет без помощи отца. Зато мне удалось обнаружить спрятанные в томике Эйхендорфа (который по непонятным причинам не стоял в книжном шкафу, а лежал среди бумаг матери) несколько фотографий молодого человека, который удивительно походил на моего брата. Интересно, кто это и почему его от нас прятали? На одной фотографии он стоял под ручку с матерью, которой было с виду лет двадцать. «Эльсбет и Карл» – прочла я на оборотной стороне снимка, прочла с трудом, потому что

фиолетовые чернила совсем выцвели. Уж не отец ли это нашего Карло? Я ломала голову. Карло не походил ни на мать, ни на сбежавшего от нас отца. У него были черные волосы, очень светлая кожа и синие глаза, он увлекался спортом (очень дорожил своим гоночным велосипедом), был мускулистый и вообще недурен собой, если не обращать внимания на прыщи, которые время от времени его одолевали. Мужчина на черно-белом снимке был тоже темноволосый, и я насочиняла бурный роман между ним и моей матерью.

Интересно, а на кого похожа я? Раньше я надеялась как истинная принцесса походить на короля. Сейчас я не была в этом убеждена. Возможно, я унаследовала от отца свои редкие каштановые волосы, слегка оттопыренные уши, но вот меланхолические черты лица мне наверняка достались от матери. Я не хотела быть такой, как мать, не хотела даже походить на нее и вообще предпочла бы быть яйцом кукушки.

Как-то днем я вернулась с покупками – мать часто оставляла для меня список заказов, – а Карло стоял перед кухонной раковиной и без зазрения совести брил себе ноги.

– С тобой все в порядке? Может, хочешь податься в трансвеститы?

– Так делают все профи. Думаешь, я ежедневно тренировался только ради удовольствия? Завтра участвую в велогонках!

– Думаешь, без волос ты быстрее поедешь?

– Может, и да, немножко, но ноги бреют из-за возможных травм. Очень плохо, если волосы попадут в рану, да, кстати, и массажисту будет проще.

Я очень удивилась. Неужели я недооценивала Карло?

– С каких это пор у тебя есть массажист?

– Массажист будет, когда я стану профи. А ну, слониха, потрудишься немножко. Или ты принесешь мне большое зеркало из передней, или сама побрей меня сзади.

Я поторопилась выполнить просьбу, хотя была бы не прочь порезать Карло во время бритья.

– Счастье твое. Кстати, я давно уже хотел спросить, – кто написал картинку, что висит в комнате у Кору?

– А как это ты попал к ней в комнату?

– Если ты соизволишь вспомнить, ни одна сволочь во время вашей вечеринки не обращала на меня внимания. Вот я и решил развлекаться самостоятельно. Итак, кто вас рисовал?

Я не умела врать так лихо, как это делала Корнелия.

– А тебе не все равно? – неуклюже огрызнулась я.

Но ему явно было не все равно. Он начал заламывать мне руку.

– Дядя Кору, – сказала я.

– Не брешь. Я и сам не сразу догадался. Это рисовал отец. Внизу стоят его инициалы, я сразу подумал, что где-то их видел, но не сразу понял где.

Не вытерев ноги, брат подбежал к своему запертому (как всегда) письменному столу и достал из ящика маленький невзрачный сельский пейзаж. В углу были инициалы – переплетенные Р. и В., то есть Роланд Вестерман. Я покачала головой.

– А теперь давай рассказывай. Вы были у него в гостях, да? Если сейчас же не скажешь мне всю правду, я обо всем доложу матери.

Ну почему эта мысль казалась мне такой ужасной? Потому что я боялась своими признаниями разбить сердце матери. Тема «отец» была в нашем доме табу, одно лишь упоминание о нем могло вызвать катастрофу. Когда отец покинул нас, мы с Карло были совсем маленькие и на первых порах спрашивали, куда он исчез. Но выражение лица матери, выдававшее смертельный страх, ее белое лицо без слез, дрожание ее рук говорили мне гораздо больше, чем стиснутые губы и беспомощное покачивание головой.

– Мы были в Любеке.

Итак, я созналась. Карло лопался от любопытства, и я нерешительно рассказала ему о том, что отец развозит анализы крови, что он живет в ужасающей бедности и вообще в недостойных условиях. О своем собственном потрясении при виде его пьяных выходок, о его манерах, о внешности совершенно опустившегося человека я не обмолвилась ни словом, как и о том, где мы добывали деньги на поездку.

Карло так разволновался, что даже перестал соскребать черную щетину со своих ног. Его ненависть к отцу запылала от моего рассказа ярким пламенем. Брат не мог понять, как это мы могли только ради того, чтобы он написал наш портрет, побывать у него несколько раз.

– И какого о нем мнения Кора? – спросил он, потому что дорожил мнением Кору.

– Они с отцом хорошо ладили.

Корнелия была единственным человеком, который сразу почувствовал мое разочарование и перед которым я без оглядки могла открыть свое сердце. С Карло, который меня недолюбливал, я не могла быть уверена, что он сдержит слово и не расскажет все матери. Он мог рассказать, чтобы причинить ей боль, чтобы поинтересничать перед ней, чтобы доказать, что я испорченная и недостойная дочь, которая нарушила семейное табу.

Глава 5

Черная пятница

Время от времени я предлагаю заинтересованной публике предпринять шопинг-тур. Всегда находятся люди, которые умеют отблагодарить, когда их сводишь в нужные магазины. Разумеется, если доставить состоятельных туристов в обувные магазины, модные салоны или антикварные лавки, я получу определенную мзду. У антикваров я выторговываю для своих подопечных значительную скидку, продавец при этом делает вид, будто мы яростно торгуемся. Игра эта увлекает его не меньше, чем меня. Вообще-то я вожу своих подопечных в три разных магазина антиквариата, расположенных вокруг piazzа Питти, каждый из них – на свой лад. В любой из этих лавок хоть раз что-нибудь да уворовывала, но поостерегусь сделать это еще раз. Теперь у меня есть веер Марии Антуанетты из резной, расписанной слоновой кости, золотая табакерка в форме раковины с наборной эмалью на крышке и дорожная шкатулка черного дерева с черепашьей крышкой, которая наряду с изящными ножничками содержит иголки, флаконы, бокал и миниатюрное оружие для подвергшейся нападению леди – маленький, но чрезвычайно острый стилет. Эта шкатулка с принадлежностями для шитья уже не раз притягивала мой взор, но в мою сумочку она никак не влезала, потому я и попросила одну туристку из Цюриха засунуть ее в свой элегантный кожаный мешок. Естественно, я убрала шкатулку в пластиковый пакет, и вполне может быть, что она сочла мою «покупку» обыкновенной шкатулкой с набором для шитья.

К слову сказать, Кору несколько не занимали мои сокровища, она мечтала о другом улове: гигантские картины из музеев. Тинторетто, к примеру, – вот что ее привлекало. Но для этого нам с ней недоставало ноу-хау.

В состав моей тайной кунсткамеры входили не только предметы искусства, но и сувениры, имевшие для меня личное или эстетическое значение. Например, памятный номерной знак из Италии. Его я прихватила под конец тех каникул, когда мы побывали у моего отца и одержали победу над Детлефом.

Из Италии Кора возвратилась в синей флорентийской шляпке. Она привезла подарки и для меня: краденую табличку с надписью ATTENTI AL CANE⁵, которую предстояло повесить на дверь моей комнаты, а для себя она привезла табличку DIVIETO DI CACCIA⁶ да еще дневник из бумаги ручной выработки и скелет летучей мыши, найденный ею на засохшем газоне. Восприимчивый взгляд Кору видел в этих останках нечто большее, чем могла бы разглядеть я, – у меня филигранные ребрышки вызывали некоторое отвращение.

Без особой помпы мы начали свой предпоследний учебный год. Не сказать, чтобы у нас были проблемы в школе, вот только жизнь состояла из множества предметов и некоторые казались нам куда более важными, чем Макбет или теория вероятности.

Господин Беккер, которого я теперь считала обычным человеком, а не взысканным милостью божьей педагогом, в нашем классе больше не преподавал. Прозвище «слониха» хоть и приклеилось ко мне, но употребляли его теперь скорее по привычке, и это не задевало. Меня считали заносчивой, и в этом была какая-то доля правды. Недаром я при своей слоновьей коже чувствовала себя высокородной принцессой среди пролетариев.

⁵ Осторожно, собака.

⁶ Охота запрещена.

«Будь молодцом, не думай о себе», – цитировала из «Вильгельма Телля» наша преподавательница немецкого языка. А я записала в своем новом дневнике: «Будь молодцом и думай о себе». Увы, я далеко не всегда следовала этому принципу.

Друзья у Коре постоянно менялись, вот и Карло до сих пор домогался ее благосклонности. Порой она была очень мила с братом, подавала ему надежды, после чего гордо проходила мимо под ручку с другим. Слово «верность» в отношениях с мужчинами Коре было неведомо, но по отношению ко мне она всегда оставалась надежной и заботливой, сердечной и любящей, а главное – честной.

И еще, она день ото дня хорошела. Носила, распустив до плеч, свои пышные рыжие волосы. Фигура у нее стала грациознее, а щиколотки напоминали чем-то хрупкость летучей мыши. Своим лбом, где волосы были выщипаны поверху, подчеркивая овал лица, и своеобразным профилем она несколько напоминала дам на ренессансных картинах. Словом, не стоит удивляться, что она нравилась мужчинам.

Ну а я? Семнадцать лет считала себя дурнушкой, хотя задним числом должна заметить, что это вовсе не соответствовало истине. Но вот ни блеска, ни шарма во мне не было, так оно осталось и по сей день.

День, когда произошло несчастье, начался как все обычные дни. Эта черная пятница в сентябре. Еще сияло не по-сентябрьски теплое солнце, и день показался нам золотым. Благодаря перспективе провести конец недели у воды мы с Корой вернулись из гимназии в отличном настроении. Мать Коре по обыкновению куда-то уехала, отцу предстояло перед началом нового семестра уладить некоторые организационные проблемы в университете. Свою мать я успела предупредить накануне, что после занятий пойду к Коре и вернусь вечером. Мы наскоро приготовили себе еду – корнфлекс, молоко и бананы. Кора дала мне свое бикини, и мы поехали автобусом к открытому бассейну, расположенному прямо в лесу. Народу было полно. В Италии кожу моей подруги до того усыпало веснушками, что на расстоянии она казалась совсем смуглой, тогда как я выглядела бледновато. Разумеется, на своих полотенцах мы никогда не лежали в одиночестве. Птичка Кора выглядела так соблазнительно, что селезни, павлины и петухи к нам так и летели.

В пять появился Карло. На его бритых ногах отросли волосики, они торчали как щетина. Он несколько раз прыгал с вышки и, должно быть, очень переживал, что Кора даже и не глядит в его сторону. Но когда он с тремя стаканчиками мороженого появился возле наших лежаков, она вдруг преобразилась, стала шутить исключительно с ним, так что два поклонника, преданно натиравшие ей спину маслом для загара, поспешно отступили. Я съела мороженое и ушла плавать, причем не торопилась вылезать на берег. Потом долго беседовала с Гретой, которая сидела на травке и читала. Пока Кора давала свое представление, я не очень хорошо чувствовала себя в роли статистки, особенно потому, что подруга обрушивала всю силу своего обаяния на моего родного брата.

Пришло время собираться домой, мы с Корой собрали вещи, отнесли мусор в урны. Карло хвастливо сообщил, что на парковке нас ждет сюрприз. Я сразу догадалась: там он оставил машину, которую взял напрокат.

Корнелия изобразила крайнее любопытство. И впрямь, там оказался не первой свежести гоночный автомобиль, принадлежавший ранее шалопутному брату его бывшего одноклассника. Карло распахнул перед нами дверцу. Я понимала, что, приди я сюда одна, братец захлопнул бы дверцу перед моим носом и заставил бежать вдогонку. Короче, мы доехали гораздо быстрее, чем в душном автобусе.

Кора, разумеется, сидела впереди. Карло вел машину бездарно. Его опыт ограничивался уроками вождения, которые он брал, когда ему было восемнадцать. Но он изображал бог весть что, и была на нем распахнутая шелковая сорочка красного цвета, а еще зеркаль-

ные очки. Сигарета небрежно торчала в уголке рта, сиденье было сдвинуто далеко назад. Когда он на манер плейбоя сидел рядом с Корой и выпендривался, объясняя ей, как можно выжать максимум из этой колымаги, я охотно съездила бы ему по кумполу. Без всякого приглашения он тоже зашел к Коре домой, утверждая, что должен еще раз поглядеть на наш двойной портрет.

– Прелестная картина, – сообщил он фальцетом.

Я не собиралась разглядывать работу отца вместе с ним и с Корой, поэтому вышла на кухню попить минеральной воды. Когда минут через десять я вернулась из кухни, они сидели на Кориной кровати, прижавшись друг к другу, и смолкли, едва я вошла: ситуация, которую мне уже не раз приходилось переживать, когда разговаривали мать и Карло.

– А теперь мне пора домой, – сказала я ледяным голосом, – идем, Карло.

– Прогуляйся пешочком, серый мастодонт, – ответил он, – я куда-то ухожу.

Кора промолчала, на меня даже не глянула и взяла себе одну из сигарет Карло.

Я с грохотом захлопнула входную дверь. Уже успела дойти до дома, а ярость не улетучилась, напротив, разгорелась ярким пламенем, когда я вдруг спохватилась, что оставила у Кору свою школьную сумку, а мне позарез нужна была для реферата биография Гёте.

Потом я часто задавала себе вопрос, а так ли мне была необходима биография Гёте, ведь я почти дописала реферат. Почему я не могла просто позвонить и попросить Карло, когда он пойдет домой, захватить с собой мой портфель? Вероятно, какое-то чувство заставило меня придумать предлог, чтобы вернуться. Я не желала, чтобы мой брат и моя лучшая подруга сидели на одной кровати под картиной отца, мысль о таком душевном согласии причиняла мне боль.

Снова оказавшись перед домом семейства Шваб, я поняла, что вернулась напрасно. Кора подумает, что я ревную и подглядываю за ней. А вот что подумает мой брат, мне было совершенно безразлично. Прокатная машина по-прежнему стояла перед соседским гаражом.

Позвонить, что ли? Какое-то время я в растерянности постояла перед дверью, потом юркнула в садовую калитку, так как знала, что дверь веранды часто оставляют отпертой для собаки, и я могла бы через зимний сад прошмыгнуть в переднюю, где и взяла бы свой ранец. А интересно, мне и вправду был нужен только ранец? Или я хотела их подслушать, разозлить Карло, помешать? А может, мною двигало недоброе предчувствие...

Пройдя через дверь на веранду, я услышала доносившиеся с верхнего этажа и внушавшие страх звуки или прерванный вскрик, скрип мебели и стук. На ногах у меня были кроссовки. Несколькими гигантскими скачками я взлетела на лестницу. Дверь Кору с табличкой о запрете охоты была распахнута настежь. Карло пыхтел, взгромоздившись на живот Кору и одной рукой зажимая ей рот. На какую-то долю секунды он выпустил ее руки, чтобы распахнуть блузку. Кора пронзительно закричала. Ну почему я не схватила его за волосы, чтобы помочь своей подруге в ближнем бою? Может, достаточно было моего появления, чтобы Карло оставил ее в покое?

Без раздумий я ринулась в персиковую спальню и схватила газовый пистолет, лежавший на тумбочке. Спустя несколько секунд я уже стояла перед Кориной постелью и направила на брата дуло пистолета со словами:

– Руки вверх!

Карл слегка повернул ко мне голову, но повиноваться даже и не подумал, а, напротив, заревел:

– Мотай отсюда!

– А ну покажи ему, Майя, – скомандовала Кора сквозь пальцы Карло измененным от страха голосом.

Я поднесла пистолет к виску Карло и произнесла магические слова:

– Считаю до трех!

– Убери свою игрушку! – огрызнулся Карло в крайнем возбуждении, выпустил руки Кору и попытался вырвать у меня оружие, но от его резких движений пистолет выскользнул у меня из рук, опустился на уровень его груди и выстрелил.

Неужели это я нажала курок? Должно быть, так и было, однако я никак не могла припомнить, когда это сделала. Как мы узнали позднее, взрывная волна разорвала сердечную мышцу. Теперь на Корнелии лежал безжизненный мешок, но мы поняли это не сразу. Общими силами мы переложили брата и дрожа поглядели в глаза друг другу. Ни плакать, ни разговаривать мы не могли. Лишь через несколько минут мы перевернули Карло на спину, и нас словно током поразила мысль, что мы видим перед собой мертвеца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.